
Лия Совушкина
(не)истинная для дракона
Графиня по праву
18+

Лия Совушкина

(Не)истинная для дракона. Графиня по праву

«Автор»
2026

Совушкина Л.

(Не)истинная для дракона. Графиня по праву / Л. Совушкина — «Автор», 2026

Аукцион позади, и Санрина больше не просто куртизанка Пса. Она его истинная с неправильной, чёрной меткой и с иномирной душой, которую дракон разглядел раньше всех. Но пока они выясняют, кто кому что должен, в борделе продолжают метить запретной магией девушек, лорды-драконы гибнут один за другим, а на королевской охоте Санрине вкладывают в рукав кинжал с приказом «Убей».Цель у этого кинжала одна, и это её истинная пара – Ангоррен.В книге есть: Холодный дракон, со страстной натурой Попаданка, готовая на всё ради свободы Притяжение, от которого невозможно избавится

© Совушкина Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 19
Глава 6 23
Глава 7 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Лия Совушкина
(Не)истинная для дракона.
Графиня по праву

Глава 1

Оказалось, смерть пахнет горелой тканью и ладаном. Таким горьким, как в храме.

Мысль дурацкая, конечно. Но в голове гудело, и первой пришла именно она. Я лежала щекой на ковре и не могла понять, жива или нет. Тогда, под люстрой, всё просто выключилось. Раз, и темно. А сейчас в груди жгло, прямо нестерпимо пекло, и с каждым ударом сердца под рёбра будто иголки вгоняли.

Ну раз сердце бьётся, значит, ещё не всё потеряно.

«Саша, ты просто магнит для неприятностей, — вяло подумала я. — Два мира, а ты и там, и тут на полу валяешься».

Вдохнуть не получилось. Где-то рядом звенело стекло, трещало дерево, но всё глухо, как будто я находилась под водой.

Потом у меня загорелась спина, и не так, как тогда в купальне «Алой зари», когда чёрные линии просто чесались. Тут будто раскалённой железкой по позвоночнику провели, отчего огонь в груди сразу как бы дрогнул. Лиловое пламя лениво поползло назад, по рёбрам, к лопаткам. Вот только там его ждало что-то тёмное. Голодное.

И это тёмное его пожирало.

В груди жгло всё слабее, однако спина продолжала гореть в невидимом пламени. Я скосила глаза на свою руку, от локтя к запястью ползли тонкие чёрные линии. Они пульсировали, светились изнутри и подбирались к пальцам.

«Нет-нет-нет, только не это! Мне и спины хватало!»

Наконец, я смогла вдохнуть. Закашлялась, и звуки внезапно вернулись, громко и резко, как будто кто-то выкрутил громкость на максимум.

— …жива? Эй! Белая лилия, слышишь меня?!

Надо мной кто-то наклонился. Светлые волосы торчат во все стороны, на скуле ссадина, глаза голубые, а зрачки вытянутые. Лис. Принц. Убийца.

Задохнувшись от паники, я попыталась отползти, но тело только слабо дёрнулось, и всё.

— Да лежи ты, дурная, — прошипел мужчина сквозь зубы и поднял руку. Над нами с гулом раскрылся купол из золотых искр, в который тут же врезались две лиловые молнии. — Не трону я тебя. В отличие от этих.

Одной рукой Лис держал щит, а другой кидал сквозь него огненные сгустки. За золотым светом кто-то болезненно вскрикнул и рухнул на пол.

Я вообще ничего не понимала. Только недавно же ему прямо в лицо кричала, что он убийца. А теперь этот самый «убийца» стоит возле меня на одном колене, весь в копоти, и закрывает меня от людей, которые пришли за Горром.

Горр.

Я вспомнила имя, и в груди тут же разлилось нечто чужое. Страх. Дикий какой-то, звериный, и настолько огромный, что меня затрясло. И он принадлежал не мне. Я-то сама была просто растеряна, ну и всё ныло тупой болью. Однако, казалось, где-то далеко-далеко кто-то летел сквозь ночь, и каждый взмах (почему взмах-то?) отдавался у меня под лопатками.

«Ну вот, молнией шарахнуло, и, пожалуйста — глюки».

— Держись, — бросил Лис, и только тут я заметила, что вцепилась ему в рукав. — Он уже рядом. Чувствуешь?

Спросить, что именно я не успела. Купол треснул, и Лис так выругался, что даже госпожа Эркель покраснела бы. Мужчина резко встал и загородил меня собой. Напротив упрямо стояли трое в тёмных плащах, ещё двое лежали у разбитого окна.

— Отдай девчонку и уходи, — сказал один из них. Глухо, без всякого выражения, как заводная кукла. — Нам нужен только Даркесс. Принца мы не тронем.

— Надо же, какая забота, — оскалился Лис. — Только девчонку вы сами чуть не убили.

Сначала стало жарко, как в натопленной купальне. Не прошло и секунды, как стена за этими в плащах взорвалась. Зажмурившись, я услышала рык. Низкий, совсем не человеческий, от которого даже пол задрожал. А у меня внутри от него дрогнуло сердце, и, как ни странно, почти радостно.

В дыре в стене стоял Горр.

Ну, то есть кто-то, кто был на него очень похож. Без маски, плащ висит клочьями, на скулах бронзовая чешуя, на пальцах длинные когти. Глаза золотые, как расплавленные, и в них одна сплошная ярость, больше ничего.

Он посмотрел на меня, буквально на секунду. И чужой страх ушёл, а вместо него накатило такое облегчение, что у меня задрожали губы.

Его облегчение. Не моё.

Горр двигался так быстро, что я даже не успевала от его шаги. Первого нападавшего отбросило в стену. Второй попытался ударить молнией, но Горр прошёл сквозь неё, как сквозь мелкий дождик. У меня под ключицей вдруг коротко кольнуло.

— Горр! — получилось хрипло и жалко, ещё и едва слышно.

Он дёрнулся, как будто мой голос его ударил. Третий кинулся к пролому, но ему на ногу захлестнулась золотая цепь из искр, и он упал лицом прямо в осколки.

— Этого живым, — коротко бросил принц и прижал пленника сапогом. — Ангоррен, слышишь? Живым! Надо узнать, кто их прислал.

Горр не ответил. Чешуя у него на шее уходила медленно, нехотя, когти втянулись. Ярость шла через меня, стучала в спине в такт его дыханию, и я чувствовала, как дракон запихивает её куда-то поглубже и запирает. Это было, как если в соседней комнате выключили музыку, а ты её вроде как всё ещё слышишь через стену.

Вместо этого он рывком поднял пленника на ноги. Капюшон слетел. Лицо молодое, обычное, ничего особенного. Вот только глаза пустые, стеклянные, как у куклы.

— Кто тебя прислал? — очень тихо спросил Горр, и у меня аж мурашки по коже пошли.

У пленника дрогнули губы, вроде как в улыбке, а на шее засветился лиловый знак. Тонкая вязь из рун. Такая знакомая, что рука сама дёрнулась к груди. Туда, где матушка Дейстра когда-то вывела мне такую же ритуальным кинжалом.

— Назад! — рявкнул Лис.

Огонь полез из него изнутри: из глаз, изо рта, из-под кожи. Пара секунд, и на ковёр упал уже не человек, а горстка чёрного пепла. Запахло палёной тканью и ладаном. Тем самым, что вечно курили у алтаря в «Алой заре».

«Метка подчинения, как у всех девушек в борделе… Но это же мужчина».

— Тупик, — устало выдохнул Лис. — Опять.

Горр медленно повернулся к нему, и я поняла, что сейчас будет что-то похуже нападения.

— Что ты делаешь в моём доме, Иллиан?

Иллиан. Значит, у принца есть имя. Глупо, конечно, но я прямо уцепилась за эту мысль. Хоть за что-то, позволяющее удержать сознание на грани.

— Пришёл по-дружески спросить, с каких это пор лучший друг под меня копает, — Лис криво усмехнулся. — А попал в самый разгар веселья. Можешь не благодарить. Если бы не я, твоя куртизанка уже тоже была бы кучкой пепла.

— Отойди. От неё, — Горр сказал это сквозь зубы, чуть ли не по слогам, и в голосе опять прорезался рык.

Два дракона, а между ними разгромленная гостиная, пепел и я в порванном платье. И снова стало жарко, только в этот раз от стыда. Лис первым отвёл взгляд и шагнул в сторону, но не ушёл. Нахмурился и смотрел на меня так, будто первый раз видит.

— Ангоррен. Молния попала ей прямо в грудь. Девчонка без дара не должна была выжить.

Горр опустился на колени и осторожно, будто я фарфоровая, приподнял меня с пола. У него дрожали руки, и я чувствовала эту дрожь и снаружи, и внутри.

— А теперь посмотри на её спину, — тихо сказал Лис. — И скажи, что ты не знал.

Ладонь Горра у меня между лопаток замерла. Там, где он касался кожи, стало мягко и тепло. А потом пришло ещё одно чужое чувство, острое и горькое.

Вина.

— Не сейчас, — глухо ответил Горр. — Фергус! Лекаря. Быстро!

Глаза закрывались, веки стали тяжёлые-тяжёлые. Пахло пеплом и хвоей, и этот запах укутывал, как тёплое одеяло. Последнее, что я услышала, был его шёпот:

— Не смей уходить. Слышишь, Санр-ри? Только не снова.

Глава 2

Ангоррен

Лекарь копался слишком долго.

Я стоял у окна и считал удары её сердца, чувствуя их у себя под рёбрами. Слабые, неровные. Раз. Пауза. Два-три. Опять пауза, и от неё дракон внутри скалился, готовый разнести полпоместья.

Впрочем, полпоместья мы с ним, если честно, уже разнесли. В гостиной гулял ночной ветер, а Фергус с каменным лицом пересчитывал, сколько антикварных ваз уцелело.

— Ваша светлость, — мэтр Корвин, наконец, выпрямился. Старик лечил ещё моего деда, и я ни разу не видел его таким растерянным. — Я не понимаю, как она выжила. На груди только покраснение. Молния такой силы прожигает человека насквозь, а тут… Как будто что-то забрало удар на себя.

Я знал, что именно. И старик, похоже, тоже догадывался, раз так старательно не смотрел мне в глаза.

— Говорите, — сказал я.

— Эти узоры у неё на спине, — Корвин явно не хотел об этом говорить. — Я видел похожие в столичной мертвецкой. На телах из цветочного квартала. Только те были мёртвые, а эти ещё живые, они будто дышат.

Кончики пальцев сами засветились голубым. Одно касание к виску, и он забудет и узоры, и свой вопрос. Я делал это сотни раз. С ней тоже.

Трижды.

Скрипнув зубами, я сжал кулак, и свет мгновенно погас.

— Вы никому не скажете про эти узоры, — спокойно произнес я.

— Моя жена умерла двадцать лет назад, мальчик. Так что за ужином не проболтаюсь, — усмехнулся Корвин. Он ясно видел свет у меня на пальцах, как и то, что я его погасил. — Если начнёт жечь, смажьте ей спину зельем из синего флакона. И сами постарайтесь выспаться.

Дверь за ним закрылась, и я подошёл к кровати. Санрина лежала на животе, лицом к окну. На скуле осталась копоть. Я стёр её большим пальцем, и метка у меня на груди тепло откликнулась в ответ.

Проклятая метка. Золотой узор над сердцем, похож и на языки огня, и на сложенные крылья. В детстве я о ней мечтал. А к ста сорока годам решил, что боги, в общем-то, сделали мне одолжение, раз совсем не даровали пары.

Потом мне приснилась девушка на пороге тёмной спальни. Лица я не разглядел, зато запомнил запах. Полынь и тёплый мёд. Всего через неделю в коридоре «Алой зари» в меня врезалась беглая ученица с сумкой помидоров.

До комнаты Дейстры с алтарём мне оставалось три шага. Но тут меня накрыло этим запахом, полынью и мёдом, метка вспыхнула, дракон как обезумевший рванулся наружу. Я кое-как выдавил «Ты ничего не видела» и ушёл. Нет, не ушёл, сбежал. Пока ещё помнил, как меня зовут. За спиной крикнули «Стоять, паршивка!», а я не обернулся. Так нужно было для дела. Ну, так я себе сказал.

Той ночью мне спину будто плетью исполосовали. Десять раз.

Про порку мне доложили одной строчкой среди прочих отчётов: «Ученица пыталась бежать, наказана плетью и заклятьем немоты». Я прочитал её два раза, а потом разбил кулаком столешницу. Она, между прочим, пережила три поколения Даркессов.

На аукцион я шёл с понятным планом. Купить какую-нибудь девушку, дорого и чтобы все видели. Богатый дурак с личной куртизанкой — лучше приманки для того, кто убивает лордов в борделях, не придумаешь.

Ну, это пока на сцену не вывели её. Немую, спина прямая, а смотрит так, как будто уже мысленно перегрызла горло каждому в зале. Три тысячи золотых я назвал вовсе не для прикрытия. Просто иначе дракон перебил бы всех, кто посмел бы поднять ставку.

«Не люблю куртизанок». За весь тот вечер это была единственная честная фраза. Она решила, что я ею брезгую, а ведь на самом деле просто боялся себя. Мне было шесть, когда отец первый раз не вернулся к ужину из цветочного квартала. И восемь, когда я держал маму за руку, видя, как у неё из глаз уходит золото. Драконы не умирают от разбитого сердца. Они просто гаснут.

Я это видел один раз. И ещё раз увидеть не собирался.

На вторую ночь она уснула с романом в руках. Сорочка сползла с плеча, и я увидел её спину. Белые шрамы прямо на глазах темнели, от них расходились чёрные прожилки. Точно такие же, как у лорда Эйса в мертвецкой. И у лорда Мартена. А вот у куртизанок, с которыми они провели последнюю ночь, не было ни царапины. Только пустые глаза кукол и дыра в памяти.

В архивах Гильдии есть запрещённый раздел про «ложную связь». Это кровавый приворот, после которого дракон видит истинную в чужой кукле и сам подставляет ей горло. Ту куклу тогда тоже выдали чёрные линии.

Истинная с чёрной меткой, ещё и на территории убийцы. У меня была сотня причин ей не верить. И ни одной, чтобы остановиться. Поэтому в ту ночь, когда ей снились кошмары, я залез к ней в голову. Искал чужую волю, лиловые нити подчинения. И внезапно наткнулся на два слоя.

Сверху была память Санрины эр-Лангос. Замок, мама, карета на мосту, подвал «Алой зари». Вроде всё на месте, но какое-то плоское, как картины в чужом доме. А под этим скрывалось другое. Яркое, аж больно. Огни без огня. Музыка, которой нет ни в одном королевстве Эрраксуса. Сцена, звон стекла и что-то огромное, падающее сверху.

Разум под разумом. Ровно так в архивах описывали куклу.

Я стёр ей память о том, что был там. Второй раз — в коридоре борделя, когда мой приказ наткнулся на чужую магию у неё внутри. Третий — после той ночи, когда она сама шагнула ко мне, и связь защёлкнулась. Крепко и насовсем. Ложная связь так бы не смогла. Но этот второй слой у неё в голове всё равно горел, подобно фонарю в тумане.

И я опять стёр ей память. Как самый настоящий трус. Потому что не знал, как сказать женщине, с которой только что связал жизнь: «Я не знаю, кто ты».

Санрина шевельнулась и нахмурилась во сне. По связи потянуло тревогой, мутной такой. Я накрыл её ладонь своей. Без всякой магии, просто держал, пока тревога не ушла. Вот это и было самое страшное. Кто бы она ни была: проклятая кукла, подарок богов или вообще что-то третье — мне уже было всё равно.

Иллиан ждал меня в кабинете. Ну конечно, в моём кресле, с ногами в грязных сапогах на моём столе и с бокалом моего же вина. Ссадину на скуле он так и не залечил. Дракону на это хватит одного вдоха, значит, оставил специально. Чтобы я видел и устыдился.

Мы выросли вместе, кузены, как никак. Один наследник империи, второй — его тень. Я доверял ему больше, чем себе. До вчерашнего вечера. Тогда мы с Санриной разложили на столе родословные, и все ниточки сошлись на нём.

— Убери ноги со стола, — устало рыкнул я.

— И тебе доброе утро. — Иллиан даже не пошевелился. — Как она?

— Жива. Зачем пришёл?

Усмешка у него с лица пропала. Он снял ноги со стола и первый раз за утро посмотрел на меня нормально, без всякой игры.

— Мне доложили, что ты запросил в архиве родословные всех убитых. И мою тоже. Я знаю тебя сто сорок лет, Горр. Ты не тратишь чернила на то, в чём не сомневаешься. Поэтому спрашиваю прямо: ты думаешь, это я?

— Все убитые стояли в линии наследования. Репутация у тебя плохая, отец при смерти, а совет может выбрать другого. Ты бы на моём месте подумал то же самое.

— Я бы на твоём месте сначала посмотрел, как они голосовали. — Иллиан стал загибать пальцы. — Эйс присягнул мне лично. Мартен был за меня на каждом совете. Старый Фаррей давал мне в долг на войну с варварами. Это были мои люди, Горр. Зачем мне резать тех, кто посадит меня на трон?

Я два месяца строил схему, фамилии, стрелки. И вот они одна за другой начали вставать по-другому. Я искал того, кто убирает соперников принца. А кто-то, получается, убирал тех, на кого принц опирается.

— Тогда объясни происходящее в библиотеке. Твои руки у неё на талии. — хрипло прорычал, с трудом удерживая ревнивого дракона внутри. — Ты же знал, чья она.

— Знал. От неё пахло тобой сильнее, чем от твоего старого плаща. Ты месяц меня избегал и даже не сказал, что нашёл истинную. Ну я и решил проверить, сколько ты продержишься. — Он поморщился. — Глупо вышло. Прости.

Иллиан никогда не извинялся. Даже в десять лет, когда спалил мне полголовы волос. Дракон во мне перестал рычать, вот только разум пока не торопился успокаиваться.

— Убийцы пришли за мной, — медленно отчеканил я. — И сказали, что принцу ничего не грозит.

— А вторая молния прилетела бы мне в спину, если бы я не прикрыл твою куртизанку. Ты правда думаешь, что я привёл убийц к тебе в дом, чтобы красиво от них отбиваться? Слишком сложно даже для меня.

Тут вошёл Фергус. Не дождался ответа — первый раз долгие годы службы. В руках у него был пергамент с красной печатью.

— Гонец от совета лордов, ваша светлость.

Нападение на дом следователя в присутствии наследного принца. Есть сомнения в его беспристрастности. Лорд Ангоррен эр-Даркесс отстраняется от дела и не должен покидать столицу. А ниже отдельной строчкой:

«Договор лорда эр-Даркесса с домом „Алая заря“ признаётся действующим до окончания оплаченного срока. По его истечении куртизанка, известная как Белая лилия, подлежит возвращению владелице во избежание дальнейшего ущерба её имуществу».

Имуществу.

Пергамент у меня в пальцах задымился. Иллиан выдернул его, пробежал глазами и тихо присвистнул.

— Восемнадцать дней. И кто-то в совете очень хочет, чтобы она вернулась в бордель, Горр. А то зачем бы им строчка про куртизанку в приказе об отстранении?

Я ничего не ответил. Метка на груди дёрнулась, и по связи пришла волна. Сонная, растерянная, а под ней тоненько так тянуло страхом.

Санрина проснулась.

И первый раз за сто сорок лет я не знал, что страшнее. Совет лордов или то, что сейчас придётся идти наверх и смотреть ей в глаза.

Глава 3

Проснулась я от запаха гари.

На подоконнике кто-то уже расставил миски с лавандой, но палёной тканью всё равно пахло, даже сквозь цветы. Грудь болела, как будто я целый день пролежала на пляже без крема. А вот спина была тёплая, будто на ней до сих пор лежала чья-то ладонь.

«Не думай об этом, Саша. И чья это ладонь, тоже не думай».

Ну конечно, я тут же подумала. Про золотые глаза и чешую на скулах. Про руки, которые дрожали, когда поднимали меня с ковра. И про шёпот: «Только не снова».

Что значит «снова»? Кто-то уже уходил?

Я вытащила из-под одеяла правую руку. Нет, змеи под кожей мне не приснились. Чёрные линии побледнели, стали серыми как старая татуировка, но так и вились от локтя до запястья. В прошлой жизни я бы за такую работу тату-мастеру кучу денег отдала. Если бы мама не узнала, конечно.

Я провела пальцем по одной линии, и под пальцем что-то тихонько толкнулось. Вроде пульса. Только не моего.

— Госпожа! Вы проснулись!

Анна влетела с кувшином, и я сунула руку под одеяло. Поздно. Она на секунду задержалась взглядом на моём запястье, а потом уставилась куда-то мне в лоб, с очень преданным лицом. Вот что значит хорошо вышколенная прислуга.

— Мэтр Корвин сказал поить вас вот этим горьким отваром. И сказал: если будете кривиться, значит, поправляетесь.

Зелье было настолько горькое, что аж скулы свело. Судя по довольному лицу Анны, поправлялась я прямо очень быстро.

— Все целы? Фергус, слуги…

— Целы, слава богам. Нас всех просто усыпили. Стража даже не проснулась, когда Его Высочество мимо пронёсся. Правда, теперь в гостиной нет стены, и Фергус уже второй час ругается с каменщиками.

Его Высочество. Значит, слуги знают, кто такой Лис. Принц Иллиан, наследник престола и главный подозреваемый в убийствах. Который по непонятным причинам спас мне жизнь. Логика? Нет, не слышали.

Внезапно в груди стало как-то тяжело. Мутное, кислое чувство, что-то между стыдом и страхом. Так, у меня было перед соревнованиями, когда я знала, что на репетиции недотянула ногу. Странно. Я же вроде ничего не натворила.

Подняла глаза и увидела его. Горр стоял в дверях, подпирая плечом косяк. Свежая рубашка, никаких следов чешуи. И без привычной маски. Только под глазами залегли такие тени, словно он с начала месяца не спал.

Анна пискнула, присела и выскочила за дверь. Предательница.

Мы остались вдвоём, и стало так тихо, что тишину можно было резать ножом. Прикрыв дверь, Горр подошёл ближе и встал в нескольких шагах от кровати. Руки за спиной, как на каком-нибудь торжественном приёме.

— Как ты себя чувствуешь? — хмуро спросил он, даже не глядя на меня.

— Как человек, в которого попала молния. — невесело буркнула я, кривись от прострела в сердце. — А ты?

Дракон моргнул. Похоже, мысли, что я спрошу про него, в его голове не было.

— Я в порядке.

Врёт. Но спорить я не стала, вместо этого вытащила руку и положила поверх покрывала, запястьем вверх.

— Тогда объясни мне вот это, — пытаясь оставаться спокойной, попросила я.

Лицо у Горра осталось спокойным, как камень. Зато у меня в груди тяжесть стала раза в два сильнее, начиная раздражать. Что б его черти побрали, с этой молчанкой.

— Остаточная магия, — пожал плечами Горр. — Следы скоро побледнеют и сойдут.

— А спина? Это ещё в «Алой заре» появилось. И ты тогда сказал, что просто наложил чары успокоения. — У меня предательски дрогнул голос, и я на себя за это разозлилась. — Лис ночью спросил, знал ли ты. Ты ответил «не сейчас». Не «нет». Вот я и спрашиваю: а когда?

На секунду мне показалось, что он сейчас скажет. Горр даже рот приоткрыл. Однако почти сразу закрыл и, не думая, застегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Вскинув брови, я наблюдала за этим цирком, чувствуя себя настоящей дурой. Меня упорно пытались водить за нос, всё, что мне оставалось — покорно принимать текущее положение дел.

— Когда буду уверен, — сухо ответил дракон.

— В чём? — почти рычала я.

— Во многом, — даже не моргнув глазом произнес этот ящер.

«Ну просто исчерпывающе. С таким красноречием только протоколы допросов писать».

— Лис назвал тебя Ангорреном, — я попыталась сменить тему.

— Потому что это моё имя. Ангоррен эр-Даркесс. — Он чуть наклонил голову, ну прямо как на светском приёме. — Горром меня зовут те, кому я разрешил. Иллиан. Фергус, когда сильно злится. И ты.

Тогда, в столовой, он сказал это между делом, как будто солонку передал. А оказалось, это что-то значило. Или не значило. С этим типом вообще никогда ничего не поймёшь.

— Утром пришло письмо от совета лордов, — сказал Горр. — Меня отстранили от расследования.

— Тебя? Но это же на тебя напали! — задохнувшись от возмущения, выпалила я.

— Вот именно. И теперь совет сомневается, что я беспристрастен. Кто-то очень вовремя шепчет в нужные уши. — Недовольно проворчав Горр, и тихо добавил: — в письме есть строчка про тебя.

После чего дракон пересказал её равнодушным тоном, как прогноз погоды. Когда срок закончится, куртизанку следует вернуть владелице, чтобы не было дальнейшего ущерба её имуществу.

Имуществу.

За эти дни я как-то успела забыть, что по местным законам я не человек. Вещь, которую взяли поносить на месяц и должны вернуть целой.

— Сколько? — хмуро уточнила я, потирая переносицу.

— Восемнадцать дней.

— А потом матушка Дейстра с радостью возьмёт меня обратно. — Я покрутила запястьем. — Как думаешь, накинет пару золотых к цене? Экзотика всё-таки.

— Я не собираюсь тебя возвращать.

Сказал он это тихо, но у меня даже мурашки пошли.

— Ты отстранён, Горр, — напомнила я. Получилось даже мягче, чем хотела.

В дверь постучали. Фергус отчитался, что карета подана, и напомнил, что совет ждать не любит.

— Иллиан останется в поместье, пока я не вернусь.

— Ты меня с Лисом оставляешь?! Ты вчера ему чуть голову не оторвал!

— Вчера он закрыл тебя собой. Доверять ему больше, чем вчера, у меня причин нет. Но и никого, кто защитит тебя лучше, тоже нет. — Уже в дверях Горр добавил, даже не обернувшись: — И будь с ним повежливее. Слово «убийца» он запоминает очень хорошо.

Дверь закрылась. А я упала лицом в подушку и очень серьёзно задумалась, можно ли в этом мире умереть со стыда. К сожалению, умереть не вышло. Зато к вечеру пришлось встать,

надеть платье с длинными узкими рукавами, — мы с Анной обе знали, зачем, — и кое-как дойти до библиотеки.

В моём кресле у окна, как сытый кот, развалился Иллиан и перебирал мои заметки по родословным. Там были стрелки, имена, а в самом низу три раза подчёркнутое слово «Кронпринц».

— О, Белая лилия! — Он заулыбался своей бархатной улыбкой. Только теперь в ней была не жадность, а кое-что похуже. Он искренне веселился. — Читаю твою чудесную работу. Такая поразительно стройная логика. Я сам себя чуть не арестовал.

Повежливее, сказал Горр. Ладно. Я присела в бордельном реверансе, ровно как учила мадам Соления:

— Ваше Высочество. Я благодарна вам, что вы спасли мне жизнь. И прошу прощения за вчерашние слова.

— Горр велел тебе быть вежливой, да? — мужчина вздохнул так разочарованно, будто ему вместо пирожного овсянку дали. — Ужас. Вчера ты мне гораздо больше нравилась. Садись и брось эту бордельную сладость, у меня от неё зубы сводит.

Ну хорошо. Я ведь честно попыталась. Фыркнув, села напротив и сложила руки на груди.

— Зачем вы меня спасли?

— Не люблю, когда при мне убивают женщин. Да и Горр бы меня зажарил. В прямом смысле. Теперь мой черед задавать вопрос. — Иллиан постучал пальцем по столбику с именами. — Эйс. Мартен. Фаррей. За кого бы они голосовали на совете, если бы мой отец умер завтра?

В книгах были гербы и даты. А кто кого поддерживает и кто с кем пьёт по пятницам, там не писали.

— За вас, — медленно предположила я.

— За меня. Всё до одного. Нитку ты нашла правильную, лилия, просто потянула не туда. Мне никто дорогу к трону не расчищает. Наоборот, кто-то выбивает из-под меня стул, по одной ножке. И Горр — самая толстая ножка. Вчера пришли за ним, а, сегодня, вот чудеса, его убрали из расследования, и ни капли крови. Красиво, правда?

Я смотрела на свои заметки и чувствовала себя полной дурой. Саша Белая, детектив от бога. Хорошо хоть не попыталась ещё кого-нибудь арестовать, но что-то в голове всё равно не давало покоя.

— Ваше Высочество…

— Иллиан. Раз уж ты меня вчера зверем обозвала, давай без церемоний.

— Иллиан. Тот человек, который сгорел. У него на шее вспыхнул знак.

— Руническая печать на самоуничтожение. У наёмников такое бывает.

— Это метка подчинения. — Я дотронулась до груди чуть ниже ключиц, где под тканью находилась моя. — Такие ставят куртизанкам в «Алой заре». Тот же узор, тот же лиловый свет и тот же запах ладана, как у алтаря матушки Дейстры. Только мужчинам их не ставят. Зачем борделю послушный наёмник?

Иллиан медленно положил листок на стол. И посмотрел на меня так, как смотрят на карту, которая вдруг оказалась козырем.

— Ты уверена? — напряжено уточнил принц.

— Когда тебе такую на груди вырезают, ты её потом в любой темноте узнаёшь.

— Горр её видел. И я видел. Вот только никто из нас не узнал. Нам-то их не ставили. — взбудораженный Иллиан вскочил, прошёлся до стеллажа и обратно. И когда он вот так мельтешил, то был похож на Горра даже больше, чем мне хотелось бы. — Расскажешь ему всё это слово в слово. Это первая нормальная зацепка за два месяца. Поразительно, что нашёл её не главный следователь империи, а его… А кстати, кто ты ему, лилия?

— Имущество, — сухо напомнила я. — Взятое во временное пользование.

— А ты спроси у него, что у тебя на спине, — лениво сказал Иллиан. — Ему полезно хоть раз в жизни сказать правду вслух. И ещё. Дейстра обещала мне тебя через месяц, помнишь? Не бледней. Чужого я не ем. Но обещание, которое дали наследнику престола, может нам очень пригодиться.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, что он имеет в виду. И тут меня накрыло.

Злость. Холодная, тяжёлая, аж челюсти свело. Пальцы сами так сжали подлокотник, что лак треснул. Мне вдруг очень захотелось высказать нескольким пожилым лордам всё, что я о них думаю. Вот только я ни одного пожилого лорда не знала.

— Почему, — медленно протянула я, глядя на свои побелевшие пальцы, — мне вдруг захотелось кого-нибудь убить?

Иллиан глянул на треснувший подлокотник, потом на часы на камине.

— Похоже, совет начался, — сказал принц с ужасно довольным видом и потянулся к чайнику. — Выпей чаю, лилия. Часа через два пройдёт.

Глава 4

Предсказателем наследному принцу не бывать, поскольку он ошибся. Через два часа ничего не произошло, хотя Иллиан то и дело поглядывал в мою сторону с заметной насмешкой. Похоже, в моём лице дракон нашёл нового шута, за которым интересно наблюдать.

Шло время. К ночи убивать уже вроде никого не хотелось, но тут же вместо этого навалилось другие чувства. К утру я себя могла сравнить с проходным двором для чужих настроений. Скука, тягучая, как на собрании, где второй час читают протокол. Глухое раздражение, от которого зудели кончики пальцев. Уже ближе к рассвету внутри поселилась такая тревога, что я подскочила к окну. Отчего-то преисполненная уверенности, что сейчас опять полетят стёкла. Однако в саду мирно пели птицы, да и стражник у ворот клевал носом над своей алебардой.

«Ну всё, Саша. Доигралась» — обречённо подумала я, признавая себя сумасшедшей.

К завтраку Анна принесла записку: «Совет затянулся. Вернусь вечером. Не выходи за ворота. Г.»

Г. Уже не «Пёс». Я так долго пялилась на эту букву, что Анна вежливо кашлянула: чай, мол, стынет. Иллиан уехал ещё с первыми проблесками солнца в окне. Оставил двух гвардейцев и просьбу «не скучать по нему слишком сильно». Фергус передал её с таким лицом, будто ему эти слова жгли язык.

Решив, что комната мною исхожена вдоль и поперёк, я вышла наружу. Бродя по территории, забрела к пруду, и меня потянуло к кувшинкам. Я сидела на каменной скамейке и смотрела на водную гладь, осоловело хлопая ресницами. И вдруг ни с того ни с сего накатила тоска. Старая, тупая, как будто она много лет лежала глубоко на дне и успела зарасти тиной. Не успела я ничего понять, как у меня уже градом катились слёзы.

— Госпожа! — воскликнула встревоженная Анна, роняя пяльцы с незаконченной вышивкой. — Вам больно?

— Нет. — Быстро ответила и вытерла мокрые щёки рукавом. — Это… пыльца. У вас тут очень пыльные кувшинки.

Всё ещё обеспокоенная Анна посмотрела сперва на кувшинки, потом на меня, но спорить не стала. Оно и к лучшему, ведь я сама не знала отчего нюни распустила. Да, не скрою, я плакала после провалов на сцене, после криков мамы и подвала с плети. Вот только никогда не плакала вот так. Тихо, с каменным лицом, на котором не должны были отражаться эмоции. Так плачут люди, которые очень-очень давно себе запретили столь явную слабость.

Тогда чьи это слёзы?

День пролетел незаметно, под гнётом тревоги. Я успела обдумать множество вопросов, но так и не смогла найти на них ответы. Устав от гула в голове, я даже попыталась поспать. И вот, вечером я сидела перед зеркалом и старательно всматривалась в отражение. Оттуда на меня смотрела красивая девушка с карими глазами и россыпью веснушек. Санрина эр-Лангос. И в то же время не она. Что, если она никуда не делась? Мне же снились её воспоминания, и местные буквы моя рука писала как-то машинально. Вдруг после удара молнии кусочек настоящей Санрины проснулся и теперь тоскует по родителям?

— Санрина? — шёпотом позвала я отражение и сразу прикусила язык, почувствовав себя полной дурой.

Отражение не ответило. Зато спина тепло отозвалась, и через неё просочилась чужая усталость. Такая огромная, что у меня плечи опустились. Нет. Настоящая Санрина бы так не устала за день в саду с кувшинками, в отличие от кое-кого, кто уже третий день не спал. Во что же я вляпалась, глупая?!

Выждав время, я тайком решила покопаться в книгах. В библиотеку я пробралась, только после того, как в поместье все уже уснули. Со свечкой, в шали поверх сорочки, и с твёрдым

ощущением, что я опять лезу ночью на кухню «Алой зари» за помидорами. Зарывшись в книги с головой, я упорно искала хоть что-нибудь про души в чужих телах. Нашла три сборника проповедей, и во всех трёх душа после смерти аккуратно шла к Лессе, никуда не сворачивая.

Зато на самой верхней полке, задвинутая так глубоко, будто её специально спрятали, нашлась тонкая книжка в тёмной коже:

«О парах, связанных истинной любовью. Записки магистра Альбериха Савоя для дома Даркесс».

В углу страницы был нарисован кривой дракончик, явно детской рукой. И подпись: «А. Д. семи лет». У меня почему-то сдавило горло.

Села прямо на пол у стеллажа и стала читать. Магистр писал, что у каждого дракона есть только одна истинная и находят её далеко не всё. А если встреча всё-таки случается, у обоих появляется метка, обычно на груди или спине. Бывало такое, что связь не проявлялась внешне, оставаясь лишь незримой нитью вокруг сердец «цвета пламени, что течёт в драконьих жилах».

Через метку они способны чувствовать друг друга. Сначала смутно, но после первой совместной ночи вместе связь «замыкается», и они делят все чувства, целиком. На любом расстоянии и при любых обстоятельствах.

Теперь кусочки мозаики вставали на свои места, давая болезненное осознание. Внутри меня не пробуждалась настоящая Санрина, нет. Это метка истинной любви передавала мне чувства и настроение упрямого дракона.

На секунду мне стало тепло от одной мысли об этом, глупо, но я прямо отчаянно надеялась. Истинная. Вот почему он купил меня за три тысячи. Вот почему застёгивал ворот, когда я на него смотрела. Над сердцем…

А потом я посмотрела на своё запястье. Серые линии, а на спине чёрные. И нигде ни капли золота.

Следующая глава называлась «О связи ложной, или О куклах». На полях тем же детским почерком было выведено: «СТРАШНО».

Магистр писал про кровавый приворот. Чёрный маг берёт обычную женщину и делает из неё уродливое подобие истинной. Дракона к ней тянет, и он даже заподозрить её не может. А несчастная, сама того не зная, сообщает своему хозяину обо всех его слабостях. Пока однажды не воткнёт ему нож в сердце, потому что так приказали.

Дальше шли признаки, и я читала их, как список симптомов какой-то смертельной болезни. Метка у куклы чёрная, как вены, в которые залили дёготь. В голове у куклы можно отыскать второй разум — чужую волю. И самое жуткое: кукла не помнит, как её сделали. У неё в памяти остаются лишь провалы.

Провалы.

После срыва в коридоре «Алой зари» у меня из памяти выпало несколько часов. А после нашей ночи с Горром я проснулась с таким странным чувством, будто забыла что-то важное. И там ещё было слабое голубое свечение… Или это мне тоже приснилось? Метку ведь кто-то на меня поставил. Кто-то с ритуальным кинжалом, с кровью Санрины и лиловым светом.

«Тебя купят те, кто ищет редкий товар», — сказала тогда матушка.

А купил следователь, который охотится на убийцу. Вздрогнув от ужасающей догадки, я захлопнула книгу. Пальцы дрожали, и даже шаль уже не могла согреть озябшее тело. Внутри тепло сменялось льдом, иглами пронзающим сердце.

— Я не истинная, — глухо пробормотала не своим голосом. — Я просто проклятая.

Горр пришёл где-то через полчаса, словно узнав о моём чтении записей. Громко хлопнула входная дверь, по лестнице быстро загрохотали тяжёлые шаги. Причём по направлению далеко не в кабинет. Сюда. Его страх докатился до меня за секунду до того, как дракон появился в дверях. И сразу исчез, стоило только ему увидеть, что я живая и просто сижу на полу у стеллажа.

Значит, это работает в обе стороны. И, судя по грязному плащу, мужчина гнал коня через полгорода, потому что я тут перепугалась.

— Что случилось? — хрипло спросил он.

Только после этого дракон заметил книгу у меня на коленях. Лицо Горра посерело, как у человека, который увидел ровно то, чего давно боялся.

— Сначала выслушай, — попросила я, поднимаясь и держась за полку. Если он меня сейчас отправит обратно в «Алую зарю», то хоть уйду с пользой. — Иллиан сказал передать тебе слово в слово: «У наёмника, который сгорел, на шее была метка подчинения из „Алой зари“». Тот же узор, что у меня, тот же свет, и ладаном также пахло. Мужчинам такие не ставят. Значит, её ставил кто-то умеющий делать бордельные клейма. Или человек, который учился у Дейстры.

Горр медленно закрыл глаза, и меня накрыло чем-то острым и ясным. Так бывает, когда в сложном танце вдруг ловишь ритм.

— Я на эту метку смотрел с вытянутой руки и не узнал. — Вздохнув, произнёс Горр и открыл глаза, в их золоте было то, чего я там ещё ни разу не видела. Уважение. — Ты сейчас дала мне больше, чем все ищейки столицы. Спасибо, Санрина.

Легче мне, к сожалению, не стало. Подавив судорожный вздох, я с трудом совладала с собой. Решительно открыв книгу на странице, где на полях было детское «СТРАШНО», я уставилась на дракона.

— Эти записи… они про меня? — на одном дыхании выпалила, внутренне замирая в ожидании ответа.

На страницу он даже не взглянул. Уверена, эту книгу мужчина знал с семи лет и зачитывал долгие годы, будто стремясь запомнить на всю жизнь. Это было видно по потрёпанному состоянию и затёртым номерам страниц.

— Я тебя чувствую, Горр. Вчера на совете тебе очень хотелось кого-то убить, а днём накатила такая грусть, что я разревелась у пруда. Анна до сих пор думает, что у меня аллергия на кувшинки.

У него дёрнулся уголок рта, но улыбки не последовало.

— Тут написано, что метки у истинных золотые, а чёрные — у кукол, — внезапно охрипшим голосом продолжила я, не желая отступать. — У меня в памяти провалы, так что скажи прямо. Я чья-то кукла?

Молчали мы так долго, что я слышала, как трещит свечной фитиль.

— Я не знаю, — наконец признался Горр.

Три слова. И честные, я это каждой линией на спине чувствовала. Уж лучше бы соврал, тогда я бы не чувствовала себя так паршиво.

— Тогда отправь меня обратно, — хмуро попросила я, отводя взгляд. — Не через восемнадцать дней, а прямо завтра. Пока я тебе ножом сердце не проткнула, следуя чужому приказу.

— Нет. — низким, почти рычащим голосом ответил Горр. — Ты останешься здесь.

— Почему?

Мужчина шагнул ко мне, и между нами вспыхнул жар, прямо как в ту ночь у камина. Зрачки дракона сузились в тонкие полоски, потом расплылись чернотой почти на весь глаз. И он резко отступил, будто обжёгся. Я криво усмехнулась, понимая, что он сам боится происходящего.

— Иди к себе, — устало обронил Горр. — И запри дверь.

И ушёл. Ну, вернее, почти сбежал. Покачав головой, всё же последовала его просьбе. Уже у себя в комнате я села на край кровати и попыталась выровнять дыхание. Не вышло, только у меня начало хоть что-то получаться, пришла волна.

Жар. Тяжёлый, тягучий, он стекал от спины вниз, к самому низу живота. Щёки загорелись, и на одну ужасную секунду я подумала, что это моё. Однако за первой волной последо-

вала ещё одна, сильнее, и с ней боль, когда терпишь сквозь зубы, смешанная со злым упрямством. Наверное, это можно было сравнить с тем, как держат дверь, когда в неё ломится зверь.

Не мои чувства. Его.

Вот же чёрт. Заклятье. Этот сумасшедший же говорил, что оно просто ослабло. И вот чары вернулись, а он упрямо ушёл в другое крыло, подальше от меня. Чтобы мучиться там в гордом одиночестве.

«И запри дверь».

В замке торчал ключ, тяжёлый, бронзовый. Повернуть два раза, и кукла в запертой коробке никому ничего не сделает. Моя спина горела, а где-то в другом крыле дракон до скрежета стискивал зубы, чтобы не зарычать на весь дом.

Сглотнув, я встряхнула головой, отбрасывая сомнения. Вытащила ключ и оставила его на столике возле двери. Запираться мне было не от кого, тем более сейчас. И твёрдой походкой вышла в коридор, идя по тонкой, невидимой нити, что вела к Городу.

Глава 5

В поместье ночью было тихо, как на кладбище. Но я его слышала — спиной, каждой линией. Они тянули меня по галерее с портретами, потом вниз по винтовой лестнице. Как поводок, только поводок душит, это же чувство указывало путь. И чем ближе я подходила, тем сильнее ощущала его звериное упрямое «нет». Даже сейчас Горр сопротивлялся собственным желаниям и чарам.

В конце нижнего коридора, у двери, на старом стуле сидел Фергус. У ног старого слуги стоял горящий фонарь.

— Госпожа, — вежливо произнёс мужчина, но так, что сразу было ясно: не пройдёшь. — Его светлость велел никого не пускать. Особенно вас. Там старая купальня, куда стекает вода с ледника. Последний раз его светлость ночевал там в семнадцать лет, когда первый раз не смог удержать дракона. Я тогда сидел на этом же стуле.

Семнадцать. А сейчас он опять сидит в ледяной воде. Потому что лучше замёрзнуть насмерть, чем постучаться к кукле, которая, может быть, собирается его убить.

— Фергус, если он потом спросит, скажите, что я вас не послушалась, — упрямо попросила я, не собираясь отступать.

Дворецкий долго смотрел на мою шаль поверх сорочки и на босые ноги. Потом протянул мне фонарь и отошёл.

— Скажу, госпожа. Слово в слово.

В купальне у меня изо рта пошёл пар, ноги на каменном полу сразу онемели. Посреди зала под сводами чернел глубокий бассейн, и в чёрной воде плавали льдинки. Они таяли прямо на глазах.

Горр стоял в бассейне по пояс, спиной ко мне, и упирался руками в бортик. На спине у него то появлялась, то пропадала бронзовая чешуя. Костяшки разбиты, как и стена рядом. Напряжённое тело напоминало натянутую струну, только тронь — порвётся. Я на мгновение замерла, задержав дыхание. Вот же упрямец, впрочем, его тоже можно было понять.

— Уходи, — рычаще приказал Горр не оборачиваясь. — Уходи, пока я ещё помню, почему тебе надо уйти.

Я поставила фонарь на скамейку.

— Ты боишься, что я чья-то кукла. Что тебя ко мне тянет, потому что так кто-то третий придумал. Верно? — дракон замер. — А ещё ты знаешь, что это заклятье может снять только та, кто разделила его с тобой первой. Поэтому вариантов всего два: или ты просидишь тут до утра и поедешь на совет с глазами, как у дикого зверя. Или…

— Или кукла сейчас делает ровно то, что нужно её хозяину, — глухо договорил Горр.

— Ну тогда пусть хозяин подавится.

И Горр засмеялся. Коротко, хрипло, как будто ему было больно. После чего резко обернулся лицом ко мне. Золота в глазах почти не осталось, только тонкий ободок вокруг чёрных зрачков. И одну ладонь он прижимал к груди слева, как будто там появилась свежая рана.

— У меня условие. Я не желаю никакой магии в своей голове. Никакого голубого света, никаких чар успокоения. Я хочу завтра проснуться и всё помнить. Обещаешь?

Меня резануло чувством, острым как нож. Вина. Та же самая, что тогда в разгромленной гостиной. Да откуда в нём эти чувства по отношению ко мне?

— Обещаю, — выдохнул Горр чётко, будто приносил присягу. — Больше никогда.

Больше никогда. Я даже подумать над этим не успела. Потому что дракон вышел из бассейна. Вода стекала с него на камень и шипела, настолько горячим он был. На мужчине остались только тёмные льняные штаны, мокрые, прилипшие к ногам. И я, стыдно сказать, не сразу смогла отвести взгляд.

— Ты босиком, — заметил Горр таким тоном, как будто это было самое возмутительное, что вообще сегодня случилось.

— Я торопилась, — отмахнулась я, зябко переступая с ноги на ногу.

Подойдя ближе, дракон подхватил меня на руки, как тогда с ковра. Осторожно, даже как-то боязливо. Кожа у него была холодная от воды только сверху, а под холодом скрывался жар, как от печки.

— Фергус всё видел, — зачем-то предупредила я, когда мы прошли мимо пустого стула.

— Плевать, — фыркнул Горр и добавил: — Этого старикашку вообще тяжело чем-то удивить.

В его спальне были кровать, стол с кипами бумаг, камин и не одного зеркала. Он посадил меня на край кровати, встал на колени и взял мои ступни в ладони. Жар от прикосновения оказался таким резким, что ноги закололо, как иголками. Заклятье продолжало жечь мужчину изнутри, на висках вздулись вены. Однако он продолжал сидеть на полу и греть мне ноги, как будто это две замёрзшие птички.

И в этот миг у меня внутри что-то пошло трещинами. Та стена, которую я по кирпичику строила с самого попадания в этот мир, медленно разрушалась.

— Горр, — тихо позвала я.

— Скажи «стоп», — хрипло прорычал Горр, поднимая голову. — Когда угодно. И я уйду в ледник, хоть до наступления весны.

— Знаю.

И сама к нему потянулась.

В первую нашу ночь нас просто несло, и я её помнила кусками. А сейчас я запоминала каждую мелочь.

Он поцеловал меня. Сначала осторожно, как будто спрашивал, можно ли. И только когда я ответила, уже глубже и жаднее. Я вцепилась пальцами ему в мокрые волосы на затылке. Шаль сползла с плеч. Пальцы, которые час назад крошили камень, развязывали завязки на сорочке так медленно, будто у нас впереди вся жизнь. Когда ткань упала, я по старой привычке хотела прикрыться.

— Не прячься. — бархатно прошептал Горр и мягко отвёл мои руки. — Я хочу видеть тебя всю.

Где-то я уже это слышала. Тем же голосом, в такой же темноте, которая пахла пеплом. Но где, вспомнить не успела. Потому что я его чувствовала. Изнутри. Желание, огромное, ведь заклятье раздуло его до настоящего пожара. Поверх него выдержка, как рука, которая крепко держит поводья. И под всем этим что-то тихое, почти благоговейное, и как это назвать, я боялась даже думать.

«Куклы это тоже чувствуют? Или куклам просто показывают то, что надо?»

Дракон уложил меня на спину и навис сверху. Целовал шею, ключицы, задержался на том месте на груди, где ещё розовел след от молнии. И каждое касание сразу отдавалось у меня между лопаток, как будто он целовал меня с двух сторон сразу. Я выгибалась ему навстречу, ёрзала под ним и уже ничего не стеснялась, совсем как тогда во сне. Не останавливаясь, Горр спускался всё ниже, медленно, поцелуй за поцелуем. Сорочка улетела куда-то на пол, а с ней и остатки моего стыда.

— Горр… — выдохнула я. И сама не понимала, прошу его остановиться или продолжать.

Он поднял голову. Золотой ободок вокруг зрачков горел.

— Скажи «стоп».

— Только попробуй остановиться, — прошептала я.

По связи меня окатило его коротким, почти мальчишеским торжеством, а дальше всё как-то сузилось до одной точки.

Мужчина явно никуда не торопился. Такой же дотошный, как, наверное, со своими бесконечными донесениями. Изучал, запоминал, возвращался туда, где я вздрагивала сильнее. Я же комкала простыни, кусала губы, и стоны всё равно вырывались. И самое странное: его удовольствие от моего удовольствия приходило ко мне по связи, и всё становилось как бы вдвойне. Долго я не продержалась. Накрыло резко, ярко, аж выгнуло, и я вскрикнула. А он не отпускал, пока меня не перестало трясти.

Когда я смогла открыть глаза, Горр уже стоял у кровати и стаскивал мокрые штаны. Я видела, как у него на скулах то появляется, то гаснет чешуя, как тяжело ходит грудь. И внизу живота у меня опять потянуло, хотя минуту назад казалось, что сил вообще не осталось. Вернувшись ко мне, дракон лёг сверху, на локти, чтобы не давить на меня. Замер, прижимаясь лбом к моему лбу. Его трясло.

— Медленно, — хрипло пообещал он. По-моему, больше себе, чем мне.

И правда, Горр давал время привыкнуть. У меня перехватило дыхание: так было жарко, и так мы друг другу подходили, будто меня по нему делали. Потом Горр опять замер, и по связи я чувствовала, чего ему стоит не двигаться. И тогда я первая подалась ему навстречу, выругавшись на каком-то незнакомом языке, дракон вновь начал двигаться.

Медленно. Глубоко. Так неспешно, что я сама вцепилась ему в плечи и требовала большего. Не словами, а всем телом, дыханием, ногтями. Кровать жалобно поскрипывала, а он всё равно держал себя на цепи. До последнего. Я видела, как мужчина стискивает зубы, чтобы мне не было больно, как напрягаются плечи. И когда я всё-таки сорвала эту цепь, прошептала его имя так, как ничьё имя не шептала ни в одном из миров, Горр зарычал мне в шею и, наконец, перестал сдерживаться.

Резче. Сильнее. А я раскрывалась ему навстречу и оставляла ногтями красные полосы у него на спине. Внезапно краем взгляда я увидела свет. Не голубой и не лиловый. Золотой. Он пробивался у Горра сквозь пальцы. Дракон опять прижимал ладонь к груди слева, как там, в купальне. Тёплый, живой свет, и он пульсировал в такт с чёрным мерцанием у меня на спине.

Я потянулась к нему рукой. Не думала, ничего не понимала. Просто не могла не потянуться. Однако мужчина поймал моё запястье. Не грубо, нежно, почти умоляюще. Поцеловал в серединку ладони и положил мою руку себе на плечо. Подальше от сердца.

Не успела я опомниться, как удовольствие опять поднялось во мне, и в нём тоже, я это чувствовала. Две волны с двух сторон, и они столкнулись. Я закричала и выгнулась под ним. И сквозь свою дрожь почувствовала, как он прижался ко мне в последний раз, и его долгий низкий стон утонул у меня в волосах. Нас обоих так накрыло, что про свет я уже не думала. Потом стало тихо и мягко, как под пуховым одеялом. Горр обнимал меня со спины. Жар от заклятья ушёл, осталось просто тепло.

— Тебе легче? — спросила я в темноту.

— Да. — Пауза, и уже совсем тихо: — Даже слишком.

Переспросить я не успела. Сон завладел мною мягко, и никуда от него было не деться.

Проснулась я оттого, что спине стало холодно. Там, где только что была его рука, было пусто. Глаза я открывать не стала. В «Алой заре» я три раза просыпалась в пустой комнате с запиской на столе, и мне захотелось посмотреть, как он уходит. Горр стоял у окна в расстёгнутой рубашке, и в свете трёх лун я, наконец, увидела. Над сердцем у него горела метка. Золотой узор, как будто кто-то нарисовал жидким огнём языки пламени. Или крылья, сложенные над чем-то очень хрупким. С каждым ударом его сердца по ней пробегала волна, а у меня на спине тепло толкалось в ответ. В такт.

Горр накрыл метку ладонью и повернулся к кровати. Я изо всех сил старалась дышать ровно. По связи пришло что-то спутанное, как клубок ниток. Сожаление. Нежность. И упрямая решимость, как у человека, который принял тяжёлое решение.

— Кем бы ты ни была, — еле слышно сказал Горр, — я уже пропал.

После чего бесшумно ушёл. Я села и закуталась в одеяло. Золотая. Магистр Савой писал, что метка у дракона появляется, когда он находит истинную. Но в той же книге было написано, что дракон видит истинную и в кукле. А загорается ли его метка золотом из-за подделки? Вот до этого я не дочитала.

Его метка золотая. Моя чёрная. Значит, какая-то из них врёт.

Зато одно я узнала точно. Горр сдержал слово. Голубого света не было, и в этот раз я помнила всё. Каждое прикосновение, тепло его ладоней на моих замёрзших ногах. И наверное, поэтому впервые заметила, как странно на этом фоне выглядят другие ночи. Ночь в «Алой заре», когда мне снились кошмары и кто-то закрыл мне глаза ладонью. Коридор, после которого я очнулась уже в поместье. И наша первая ночь, когда я проснулась с таким чувством, будто у меня что-то забрали.

Три провала. Ровные, аккуратные, будто ножницами вырезали. И все три рядом с ним.

Глава 6

Записка лежала на подушке. Там, где ночью лежала его голова.

«Не стал будить. Завтрак в малой столовой, Фергус велел повару испечь что-то с вишнями. Не спрашивай почему. Г.»

Я прочитала её три раза и поймала себя на том, что улыбаюсь, как девчонка над первой запиской от мальчика. Вишня тут поспевает в начале лета, а сейчас осень. Значит, кто-то на рассвете поднял на уши полстолицы ради банки варенья. Прислушавшись к себе, ощутила, как по связи от него идёт спокойствие. Тёплое, ровное, как солнечное пятно на полу. Дракон ехал на очередное заседание, где его, скорее всего, опять попробуют съесть. И первый раз ему не было ни страшно, ни больно.

Поэтому я и пошла в библиотеку. Всё же счастье — штука опасная. Я уже как-то стояла за кулисами счастливая, в костюме с блёстками, и не смотрела наверх. На люстру. Сегодня я хотела дочитать книгу магистра Савоя и узнать, что бывает с золотой меткой дракона, если его истинная — подделка.

Я устроилась в кресле у окна в библиотеке, с чаем и вишнёвыми пирожными. Ну просто чтобы не страдать на голодный желудок. Про золотую метку магистр так ничего и не написал. Зато сразу после главы о куклах шла другая, «О памяти связанных». И на полях была строчка, подчёркнутая уже взрослой рукой.

«Связь, замкнувшаяся на ложе, не терпит чужой руки в разуме пары. Даже если эта рука — самого дракона. Стёртое вернётся, как вода возвращается в вырытую яму».

Даже если эта рука самого дракона. Пирожное как-то сразу перестало лезть в горло. А с чего я вообще решила, что мои провалы — это работа чёрного мага? Все три были рядом с Горром, и все три после голубого света, которым мужчина снимал мне головную боль. Вчера я спросила «обещаешь?», и он ответил «больше никогда», после которой связь передала его вину.

Больше.

Чашка стукнулась о блюдце, и спина вспыхнула, как будто кто-то дёрнул за все чёрные нитки разом.

И вода вернулась в яму.

Первой вернулась ночь в «Алой заре».

Я опять лежала на шёлковых простынях в комнате для свиданий, вся в холодном поту, а надо мной висела люстра. Не настоящая, а из кошмара. Огромная, хрустальная, она угрожающе скрипела, покачиваясь на крюке, и я знала, что сейчас она упадёт. А потом люстру загородило лицо. Золотые глаза в прорезях маски, губы сжаты.

Раньше на этом всё и обрывалось. А теперь пошло дальше.

Мне на глаза легла большая горячая ладонь. И из-под неё сквозь веки, просочился голубой свет. Холодный. Внимательный. Я почувствовала, как он входит в меня. Не в тело, а в голову. И начинает там рыться. Как роются в ящиках чужого комода, когда ищут улику. Замок эр-Лангосов. Мама Санрины. Подвал. А потом свет наткнулся на другое. На моё.

Сцена. Софиты. Мама в первом ряду, губы поджаты. Телефон Гриши экраном вниз. И люстра, уже настоящая. Та самая. На ней свет задержался надолго. Я чувствовала, как он удивился, вот прямо как сейчас чувствую его спокойствие. А потом свет ушёл, и меня поцеловали. Горячо, коротко, как будто извинялись.

«Прости».

И холод. Пустое место там, где были эти минуты. Я потом так и ходила с этой дырой по коридорам борделя и даже не знала, что потеряла.

Вторым вернулся коридор.

Запах ладана и мои собственные крики. Маски — Лис, Пёс, опять Лис. И руки, которые поднимают меня с пола. Это я и раньше помнила. Дальше была карета. Тёмная, трясёт, я лежу у него на коленях и пошевелиться не могу. А он смотрит на меня сверху, и в золотых глазах страх. Настоящий, человеческий.

«Ты увидела его во мне, — шепчет мужчина. — Лиса. Значит, он уже у тебя в голове. Или кто-то другой».

И опять голубой свет. Ищет нитки, чужую волю, хозяина. Не находит. А потом, уже на пороге поместья, тихо:

«Ты этого не вспомнишь. Так будет лучше».

Лучше. Кому?

Третье воспоминание пришло не сразу. Оно было самое свежее и лежало глубже всех. И всплывало медленно, как утопленник.

Наша первая ночь. После. Я лежу у него на груди, почти сплю, а у меня под щекой разгорается свет. Золотой. Спина вспыхивает в ответ, и между нами что-то щёлкает. Крепко и насовсем, как замок. Смеющийся Горр. Тихо, как будто не верит, и голос какой-то надломленный.

«Поверить не могу… Это просто немыслимо. Если ты кукла, такого не может быть…»

Смех резко обрывается. И по связи, которая только что замкнулась, приходит страх. Огромный. Как у человека, который на мгновенье поверил и тут же сам своей веры испугался.

«Прости. Я должен знать».

Вновь голубой свет, переходящий в ящики комода. Опять появляется сцена, мама, люстра. Всё то, чего никто в этом мире видеть не должен был. А утром я проснулась с чувством, что забыла что-то важное. И проспала его «ты много для меня значишь», и сказала ему «никаких чувств».

Очнулась я на полу в библиотеке. Совсем как позавчера, только теперь рядом валялась перевёрнутая чашка и растекалась вишнёвая начинка. Красная на светлом ковре, прямо как кровь на досках танцевального зала после порки.

Три раза.

Не чёрный маг. Не кто-то с ритуальным кинжалом. Он. Три раза залезал ко мне в голову, перебирал моё прошлое, как бельё в чужом комоде, и три раза заметал следы. А потом смотрел мне в глаза и называл это «чарами успокоения». Боже, Горр ведь увидел то, что я так пыталась скрыть ото всех. Сцену, маму, люстру. Этот дракон знал, что во мне есть кто-то, кроме Санрины. Знал ещё с борделя.

Внезапно тёплое ровное спокойствие по связи оборвалось, будто где-то далеко в городе кто-то резко обернулся на крик. Вместо него пришла тревога, а всего через секунду он всё понял. Не знаю как, но Горр почувствовал, что именно ко мне вернулось, и теперь ехал сюда.

Я успела встать, поднять чашку и даже потереть ковёр. Пятно не оттёрлось. Но руки должны были чем-то заниматься, а то они тряслись. Дракон приехал минут через сорок. Вдвое быстрее, чем вообще можно доехать от дворца совета. Вновь встал на пороге библиотеки, как позавчера. Только тогда он боялся за меня, сейчас боялся моей реакции.

— Сколько раз? — глухо спросила я. Очень спокойно. Мадам Соления бы мной гордилась.

Горр мог соврать, но вместо этого просто закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной.

— Три.

— Зачем?

— Я должен был знать, не оружие ли ты. — Взгляд он не отводил, тут надо отдать ему должное. — У убитых были такие же чёрные линии. Ты оказалась в борделе, который я проверял. В коридоре, где я искал алтарь. У меня во сне, за неделю до этого. Слишком много случайностей, Санрина.

У него во сне. Во мне что-то дрогнуло. Темнота, которая пахнет пеплом, «не прячься»… Но я затолкала это поглубже.

— И что ты нашёл у меня в голове? — опустошённо выдохнула и сложила руки на груди, в тщетной попытке совладать с эмоциями.

— Огни без огня, — тихо начал Горр, тщательно подбирая слова. — Музыку, которой нет ни в одном королевстве. Женщину, которая хмурится и явно недовольно смотрит на тебя. И стекло. Много стекла, падающего сверху.

Меня как будто окатили водой из той купальни. Из всех моих страхов в этом мире самый главный был один. Что кто-нибудь узнает, что в теле Санрины живёт чужая. В мире, где женщину можно купить, сумасшедшую — запереть, а одержимую — сжечь.

Горр всё знал. Все эти дни знал и молчал.

— Кто ты, Санрина? — едва слышно спросил Горр.

И вот тут мадам Соления гордиться мной перестала бы.

— Ты не имеешь права спрашивать. — Голос сорвался, и я даже не пыталась его удержать. — Ты сам это взял. Не спросил. Три раза! Пока я спала, пока мне снились кошмары, пока я… — У меня перехватило дыхание. — Пока я лежала у тебя на груди и думала, что мне первый раз в этом мире хорошо.

По связи в меня ударило болью. Не моей. И от этого стало только хуже. Мне даже позлиться спокойно, в одиночку, не давали.

— А метка? — Я ткнула пальцем ему в грудь, туда, где под рубашкой пряталось золото. — Про неё ты мне тоже скажешь «не сейчас»?

Горр накрыл мои пальцы ладонью и прижал их к сердцу, оно колотилось часто и тяжело.

— Есть вещи, которые я скажу, когда буду уверен, — хрипло произнёс дракон. — Потому что, если я ошибусь…

— Ты никогда не будешь уверен, — резко перебила я и выдернула руку. — Ты не умеешь доверять, Горр. Ты умеешь только проверять.

Встряхнув головой, прошла мимо него к двери. Горр меня не остановил, даже не попробовал. Только уже в спину глухо напомнил:

— Я сдержал слово. Вчера.

— Знаю, — ответила я и не обернулась. — Потому что твоя магия всё равно больше не работает. Связь бы всё вернула. Удобно обещать то, что нарушить нельзя.

У себя в комнате я долго стояла у двери. Потом сунула руку в карман шали, которую так с позавчера и не сняла, и нащупала холодный бронзовый ключ с витой головкой. В ту ночь я не стала запираться, потому что было не от кого.

Теперь появилось, к моему сожалению. Ключ повернулся в скважине два раза. Зато по связи, которую никаким ключом не запрёшь, из библиотеки докатилось драконье отчаяние. Тихое, без звука. Такое же, как та старая тоска у пруда.

Когда плеть матушки Дейстры рвала мне кожу, было больно, но хотя бы понятно: там меня ненавидели и не скрывали. А сегодня внутри порвалось что-то другое. То, чего у меня не было ни в той жизни, ни в этой. И что я вчера ночью, дура, решила, будто наконец-то нашла. Вера, что хоть кто-то смотрит на меня не как на вещь, не как на куклу или улику. Мне до безумия хотелось найти в этом проклятом богами мире хоть одного человека, который ценил бы именно меня.

Глава 7

Ангоррен

Одиннадцать дней.

Вот столько ключ с витой головкой простоял в замке с той стороны. Санрина, конечно, выходила. Ела в малой столовой, гуляла с Анной у пруда, рано утром танцевала в пустой галерее с портретами. Но всегда только, когда меня не было дома. Фергус каждый вечер мне об этом докладывал, и лицо у него было такое каменное, что укор прямо чувствовался.

Про всё остальное мне докладывала связь. По утрам короткая светлая радость, чистая, как вода из колодца. Это она танцевала. Днём скука и как бы сдержанная досада. А ночью ничего. Ровно, как лёд на пруду. Похоже, она научилась закрываться и от меня тоже. Быстрее, чем я сам научился за сто сорок лет. У меня в ящике стола лежали четыре письма, которые я так и не отправил. Все начинались со слова «Прости», и, по сути, на нём и заканчивались. Дальше шли объяснения. А объяснения слишком похожи на оправдания.

Иллиан явился на двенадцатый день, на рассвете. С кожаной папкой под мышкой и с таким видом, будто всю ночь грабил собственный дворец.

— Архив Гильдии, — коротко произнёс друг и бросил папку мне на стол. — Копии протоколов по всем убитым. Тебе туда теперь нельзя, а наследному принцу пока можно. Архивариус чуть не расплакался от счастья, что я вдруг заинтересовался делами империи.

Я смотрел на папку и не открывал. Сначала надо было кое-что сказать. И раз за одиннадцать дней я так никому этого и не сказал, потренироваться мне явно не мешало.

— Я запросил твою родословную, Иллиан. И чуть не оторвал тебе голову у себя в гостиной. Я ошибся. Прости.

Кузен застыл с открытым ртом. Потом не спеша достал из кармана карандаш, придвинул к себе самый чистый мой лист и очень старательно написал дату.

— Ты что делаешь?

— Увековечиваю. Ангоррен эр-Даркесс вслух признал, что ошибся. Второй раз за сто сорок лет. Первый был, когда ты уверял, что умеешь летать, и прыгнул с колокольни. — Иллиан положил карандаш и вдруг стал серьёзным. — Я бы на твоём месте тоже себя подозревал, Горр. Я сам себя иногда подозреваю. Открой уже эту проклятую папку, мне пришлось за неё взятку давать. Собственным автографом.

В папке было то, что я читал уже раз десять, и одна вещь, которую я не видел никогда. Зарисовки мэтра Корвина. Старик осматривал не только тела лордов, но и девушек, с которыми они провели последнюю ночь. И каждую метку подчинения перерисовал на отдельный лист. Аккуратно, как врач, которому всё равно никто не верит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.